

«БЕЗ "СКЕЛЕТОВ
В ШКАФУ" ПИСАТЕЛЕЙ
НЕ БЫВАЕТ...» 3

Интервью с писателем
Алексеем Варламовым

ПИСЬМА
С ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
5

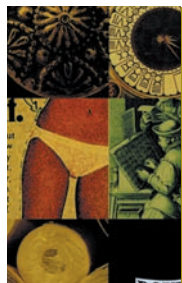
ТРАЕКТОРИЯ
ДЕТСКОГО
ЧТЕНИЯ
20

#10
(2280)

Книжное обозрение

WWW.KNIGOBOZ.RU

выходит с 5 мая 1966 года

6 СКОМНОЕ ОБАЯНИЕ ПУГОВИЦЫ

Сергей Иванов
о философии вещей

7 КАК ШАМАН НА ЛУНЕ ЖЕНИЛСЯ

Тундряные истории
Геннадия Пращкевича

8 ПСИХОТРОПНЫЙ ДИАФИЛЬМ ДЛЯ РЭМБО

Страшная педагогика
от Михаила Елизарова

НОВОСТИ

Все работы хороши

«Длинный список». Пятый сезон. «Большая книга». Имена известны. Совет экспертов Национальной литературной премии, во главе со своим председателем Михаилом Бутовым, объявил, кто сможет продолжить борьбу за главные награды. Из 379 номинированных работ в список вошло 49: 37 авторов изданных произведений и 12 авторов рукописей. «Эксперты получили в этом году плотный поток очень качественной литературы, — заявил Бутов. — Выбрать из него тех писателей, которые войдут в "Список финалистов", будет задачей не из легких: все книги "Длинного списка" одинаково хороши, каждая — по-своему, каждая имеет свою нишу, их будет трудно сравнивать. Так что вплоть до финального голосования экспертов невозможно сделать какие-либо прогнозы».

По мнению председателя Совета экспертов, «преобладающих» жанров в этом сезоне нет: «Все тексты, включенные в "Длинный список", — хорошая современная литература, от биографической, очень личной, до литературы с претензией на обобщение в исторической перспективе. В этом сезоне у нас было мало фантастики, также следует отметить, что жанр "нон-фикшн" представлен в этом году не столь ярко, как в предыдущих сезонах».

Многие из писателей, вошедших в «Длинный список», имеют репутацию классиков, хорошо известны, или уже были награждены прежде, став победителями в других литературных конкурсах. Среди них Андрей Балдин, Владимир Войнович, Денис Драгунский, Бахыт Кенжеев, Анатолий Найман, Рустам Рахматуллин, Дина Рубина, Герман Садулаев. Возможно, кто-то из этих авторов пройдет дальше. Но об этом мы узнаем лишь 19 мая, когда на традиционном литературном обеде будет объявлен «Список финалистов». Имена трех лауреатов пятого сезона будут названы в ноябре 2010 года.

Ночные бабочки и самолеты У истоков Сент-Экзюпери (стр.4)

Читайте в сегодняшнем выпуске «PRO»:
Гендиректор РГБ Александр Вислый о проблемах оцифровки книг;
Издатели и книготорговцы о ценообразовании.
Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров зарубежной литературы вы сможете найти только в ПРОфессиональной версии «Книжного обозрения», распространяемого только по подписке. Подробности — на стр. 14.
Следующий номер «Книжного обозрения» выйдет 11 мая с. г.

НОВОСТИ

КНИГА НЕДЕЛИ

Лирика физиков

Это только сейчас кажется, что «шестидесятые» — некий неделимый культурный монолит. На самом деле разница между, скажем, 1960-м и 1968-м — примерно такая же, как между 1990-м и 1998-м. Вообще говоря, «шестидесятые» начались в 1957-м, вместе с Фестивалем молодежи, и закончились в 68-м, когда советские танки вошли в Чехословакию. Нельзя отменить одного — «широкие массы советской молодежи» восприняли «оттепель» всерьез и творили в то время со страшной силой. Вместо песен о Родине и Партии стали возможны композиции бездумные и легкие, о любви к другому человеку (желательно, противоположного пола), не контролируемой всеильным Государством. Многие исполнители были еще из «тех времен» — Бернес, Рознер, Шульженко, — но пели они уже что-то не совсем советское. В 61-м появился знаменитый гру-

Марочкин В., Сычева Н., Игнатьев А. **Песни нашего поколения: шестидесятые.** Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. — 228 с. 2000 экз. (п) ISBN 978-5-222-16870-7

зинский вокально-инструментальный квартет «Орэра», началась эпоха КСП. Да и молодые Кобзон, Хиль, Магомаев начинали отнюдь не с монументальных здравиц, а с твистов и рок-н-роллов.

Мы намеренно опускаем приводимые в книге подробности о музыкальной жизни, происходившей «на загнивающем Западе», — ибо не в ней дело. То, что было «там», — являлось вполне закономерным развитием процесса. То, что «здесь», — неожиданным прорывом в доселе запрещенное. «*Это была какая-то новая культура, ни с чем не сравнимая, — вспоминает Владимир Рацкевич, лидер группы “Рубиновая атака”.* — *Такого эмоционального заряда не приходилось ощущать ни от одного вида искусства*». И «советская литература 60-х» — это мощный прорыв, задавший традицию на будущие лет сорок. Но — писатели слушали джаз, студенты технических вузов ставили музыкальные номера в КВН и организовывали ВИА...

Был такой знаменитый ансамбль — «Поющие сердца». Наверное, это название наиболее точно отражает настроение времени.

Дмитрий Малков

Прощание с переводчиком

Ушла из жизни одна из старейшин российского переводческого цеха, Раиса Облонская (1924—2010). Удивительный человек необычайной стойкости, силы духа, любви к жизни. Великолепный переводчик английских и американских классиков — Теккерея, Голсуорси, Уэллса, Стивенсона, Лоуренса, Мозма, Джейн Остин и многих других. Вместе с Норой Галь она перевела «Убить пересмешника» Харпер Ли, «Домой возврата нет» Томаса Вулфа. Она тщательно обдумывала каждую фразу, ритм, смысл подтекста. Много лет она знала, что неизлечимо больна, болезнь наступала и наступала на нее, отнимая возможность ходить, двигать руками. Любимая работа, внимание близких, классическая музыка поддерживали ее всю жизнь. Человек поистине интеллигентный, она никогда не жаловалась, была всегда в курсе окружающей жизни, судила мудро, по-настоящему понимала тех, кто «пишет, как он дышит». С ней разговаривать было так легко и хорошо. И чуть не до последних дней ей можно было позвонить и услышать совершенно не изменившийся за все эти годы спокойный, доброжелательный ее голос: «Слушаю». И это «Слушаю» для тех, кто любил ее, так и останется навсегда.

Дежа-вю «НацБеста»

22 апреля были объявлены книги «короткого списка» премии «Национальный бестселлер», которые прочитают и оценят члены другого — Малого жюри. Итак, наибольшее количество баллов набрали: Роман Сенчин («Елтышевы»), Андрей Аствацатуров («Люди в голом»), Василий Авченко («Правый руль»), Павел Крусанов («Мертвый язык»), Олег Лукошин («Капитализм») и Эдуард Кочергин («Крещение крестами»). Ответственный секретарь премии Виктор Топоров признался, что список внушает ощущение «дежа-вю»: «Одни и те же произведения, одни и те же имена, которые переходят из одного конкурса в другой». Однако, за вычетом этого неприятного аспекта, список представляется ему «вполне достойным».Что касается жюри, то его состав гораздо более неожиданный и разнообразный, чем писательский: кинорежиссер Валерия Гай Германика, писатель и лауреат НацБеста за 2009 год Андрей Геласимов, журналист Андрей Константинов, певица Севара Назархан, летчик-космонавт Максим Сураев, учредитель и руководитель фонда культурных программ «Северная корона» Ирина Тинтякова. Председателем жюри стал основатель премии Константин Тублин.

Он послал нам бересту

В Москве состоялась торжественная церемония вручения премии Александра Солженицына. В этом году «за выдающиеся археологические и исторические открытия, перевернувшие представления о нашей ранней истории и человеке Древней Руси» премии был удостоен академик РАН Валентин Янин — ученый, раскопавший средневековый Новгород и развеявший миф о неграмотности его жителей, автор фундаментальных трудов, посвященных истории княжеских печатей, денежно-весовой системе Древней Руси и новгородской государственности, и многим из нас знакомой и любимой со школы популярной книги «Я послал тебе бересту». Впрочем, традиционно литературную премию Солженицына не впервые присуждают ученому — напомним, что первым ее обладателем стал в 1998 году филолог и лингвист Виктор Топоров. Также в числе лауреатов премии — филологи Сергей Бочаров и Андрей Зализняк.

Издания, отрецензированные в номере

Аткинсон М. Выступать легко.....	12
Батхан Н. Остров Рай.....	7
Белобров-Попов. Джунгли для белых.....	7
Бен Ладен Н., бен Ладен О., Сэссон Дж. Семья Усамы бен Ладена.....	15
Бервин М. Оранжерейный цветок и девять растений страсти.....	15
Вебер П. Викинги.....	9
Верещагин О. Новая родина.....	9
Веров Я., Минаков И. Операция «Вирус».....	9
Володарская О. Ножницы судьбы.....	9
Волчек Г. Дедушка русской авиации.....	8
Гоуд Дж. Магнит для дерьма.....	15
Гришаева Н. Советы дочкам.....	15
Депп Х.-Ю., Томас Дж. А., Чарльз В. 1000 эротических шедевров в искусстве.....	24
Елизаров М. Мультики.....	8
Иванов С. 1000 лет озарений.....	6
Идиатуллин Ш. СССР™.....	8
Казакевич А. Простые истины, или Как жить в свое удовольствие.....	15
Кинг Л. А что это я здесь делаю?.....	12

Копытина Н. Не сдаваться! Не сдаваться! Не сдаваться!.....	12
Корнев П. Проклятый металл.....	9
Лебедько В. Василиск.....	15
Манчулянцев О. Как вырастить компанию на миллиард.....	12
Матссон С. Всемирная история туалетов.....	6
Мошанский И. Стоять насмерть!.....	9
Прашкевич Г. Сендушные сказки.....	7
Пьеух В. Русская тема.....	9
Самый памятный день войны.....	5
Сент-Экзюпери А., де. Манон, танцовщица... ..	4
Стриндберг Ю. А. Афинский полукруг.....	4
Туччилло Л. Легко ли быть одной?.....	15
Уайзмен Р. 59 секунд, которые изменят вашу жизнь.....	15
Черняховский Ю. Лики любви и боли.....	9
Чуров В. Путешествие с гвардии генерал-майором артиллерии Владимиром Иосифовичем Брежневым от Будапешта до Вены.....	5
Юнгер Э. На мраморных утесах.....	4

В погоне за «Бэсси»

Стал известен шорт-лист женской литературной премии «Orange». В финал одной из самых влиятельных англоязычных писательских наград вышли Барбара Кингсолвер (The Lacuna — «Лакуна»), Лорри Мур (A Gate at the Stairs «Врата над ступенями»), Рози Элисон (The Very Thought of You — «Мысль твоя»), Аттика Локк (Black Water Rising — «Темная вода все выше»), Моник Роффи (The White Woman on the Green Bicycle — «Белая женщина на зеленом велосипеде») и Хилари Мэнтел, уже получившая за свой исторический роман Wolf Hall («Вулф Холл») «Букера». Имя победительницы — счастливой обладательницы статуэтки «Бэсси» и почти 50 000 долларов — станет известно в июне.

Молотые негры

Одна опечатка — и публикация абсолютно нейтральной во всех отношениях кулинарной книги приводит к крупному скандалу, да еще с расовым подтекстом. В море критики «утонуло» австралийское подразделение издательской группы «Penguin», которое выпустило «Библию пасты» — книгу с рецептами популярных блюд.

Реакция покупателей оказалась совсем не той, на которую рассчитывали магнаты книжного бизнеса, — телефон издательства разрывается от звонков недоумевающих гурманов, некоторые стали поговаривать и о судебных исках. Все дело в том, что между рецептами приготовления тальятелле и прошютто оказались указания о том, как сделать на кухне пасту «со свежемолотыми черными людьми». Как выяснилось, редактор книги попросту просмотрел опечатку, где вместо слова «перец» стояло «люди».

Эта история моментально получила огласку и уже довела издателей до белого каления. В интервью местным журналистам президент австралийского филиала «Penguin»a Боб Сешнс достаточно нервно назвал всю историю «глупой ошибкой редактора», а также раскритиковал всех тех, кто стал «перемывать издателям кости». «Мы не понимаем, почему это вообще стало предметом обсуждения», — сказал он, пообещав, что тем «мелочным людям, которые предъявят претензии», издательство, так и быть, заменит купленную книгу на исправленный вариант.

Ошибка президента

Во время оцифровки учетной книги XVIII века сотрудники Нью-Йоркской общественной библиотеки обнаружили, что президент Джордж Вашингтон так и не вернул взятые осенью 1789 года два издания — «Международное право» и сборник расшифровок дебатов Британской палаты общин. С учетом инфляции, за прошедшие 220 лет «отец-основатель» задолжал за удержание книг сверх положенного срока около 300 000 долларов. Впрочем, взыскивать эти деньги с кого бы то ни было библиотекари не собираются, а хотят лишь, чтобы ценные издания вернули обратно.

Выбор редакции

1 Уже после романа «Башни и сады Вавилона» стало ясно, что Дмитрий Лекух не просто изобразитель боевых будней русских футбольных фанатов, а серьезный, вдумчивый прозаик. Его новая книга «Игра слов» — тоже «нефутбольная». Это честная мужская проза о лирической литинститутской юности с ее поэзией, вином, девушками, битвами, поиском смысла — о юности, которая, как и все, пройдет.

Лекух Д. **Игра слов.** М.: Литпром, Астрель, Полиграфиздат, 2010. — 320 с.

2 «Дом духов» — одно из первых произведений знаменитой мастерицы латиноамериканского магического реализма Исабель Альенде. Начинается эта впечатляющая семейная сага с двух маленьких девочек — зеленоволосой Розы и Клары, говорящей с призраками и предсказывающей будущее. И чем дальше, тем чудесатее.

Альенде И. **Дом духов / Пер. с исп. С. Николаевой.** СПб.: Азбука-классика, 2010. — 480 с.

3 Сегодняшние 20–30-летние читатели знают Леонова-актера, помнят Леонова-космонавта, а вот писателя Леонида Леонова — забыли. И вместе с ним — интереснейшую главу из истории отечественной литературы. Захар Прилепин решил исправить эту досадную ситуацию, рассказав о великой, опасной игре, которую «правильный» советский классик вел с эпохой.

Прилепин З. **Леонид Леонов: «Игра его была огромна».** М.: Молодая гвардия, 2010. — 576 с.

алексей Варламов

персона

«Есть писательский бог...»

Беседовала
Александра Генрих

Алексей Варламов вошел в мир литературы в начале 90-х с повестью «Рождение», за что получил первого «Антибукера». В 2006-м Александр Солженицын присудил ему премию «за тонкое исследовании силы и хрупкости человеческой души, ее судьбы в современном мире; за осмысление путей русской литературы XX века в жанре писательских биографий». Шесть биографических романов меньше чем за 10 лет. Сотрудничество Алексея Варламова с серией «ЖЗЛ» началось в начале нулевых с книги о Михаиле Пришвине. Примерно с этого момента интерес читательской публики к литературе «нон-фикшн» взмыл вверх и до сих пор не угасает. Потом вышли в свет книги о Грине, Распутине, Булгакове. За биографию Алексея Толстого в 2007 году писатель получил вторую премию «Большая книга». Сейчас Варламов заканчивает работу над биографией Андрея Платонова, «самой сложной книгой», которую он когда-либо писал.

— В 2008 году вы написали повесть «Ева и Мясо», после чего ваш писательский интерес полностью перемещается на биографии: сейчас вы работаете над романом про жизнь Андрея Платонова. С чем это связано и вернетесь ли вы к фикшн?

— Думаю, что вернуться. А что до творческих интересов, в какой-то момент меня начало больше увлекать документальное повествование, чем беллетристика. Тем более я чувствую, что эта работа встречает читательский отклик. Меня иногда обвиняют в том, что я быстро пишу. Но здесь как в остросюжетном романе: хочется быстрее понять, а что же дальше и чем все закончится. Можно сказать, что я в какой-то момент «подсел» на биографии и ничем другим не мог заниматься. И еще одно обстоятельство. Нынешнее время меня вдохновляет гораздо меньше: я его хуже чувствую, хуже понимаю, чем 90-е.

— Платонов — писатель, который вам глубоко симпатичен, недаром вы взяли за его биографию...

— Он очень сложный писатель, у которого на всякое «да» найдется свое «нет». Раньше я говорил, что не буду писать про Платонова, потому что его слишком люблю. Чтобы написать биографию, сильно любить героя нельзя — ничего не получится. Точнее даже не так. Любить надо. Но прежде — пройти определенный путь этой любви. Будучи неприязненно настроенным к иным своим героям в начале, я полюбил их к концу книги. Ведь когда вникаешь во все детали, начинаешь человека понимать. Станиславский недаром говорил: хочешь сыграть отрицательного героя, найди в нем положительные черты, тогда будет убедительно. А Платонова я любил изначально, и книга о нем — самая сложная из тех, что я писал. Это загадочный писатель, о нем мало известно: он был очень закрыт и далек от литературной среды, в отличие от многих писателей XX века, которые старались отразиться в зеркалах эпохи. Платонов же — совершенно другой случай. Еще юным филологом я придумал, что литература XX века делится на Платонова и всю остальную. Несмотря на максимализм этого утверждения, я и сейчас готов под ним подписаться. Платонов — взрыв невероятной силы, скопившейся в России столетие назад. Он гений, явление.

— В изучении писательских биографий вы наверняка наткнулись на «скелеты в

шкафу». Что неожиданного вы обнаружили в судьбе ваших реальных героев, например у Алексея Толстого?

— Без «скелетов в шкафу» писателей не бывает, и их нужно понять, если мы хотим понять писателя. Но они важны лишь в контексте, а не сами по себе. Задача биографа не в том, чтобы собирать компромат на своих персонажей, а в том, чтобы никого не обманывать и ничего не затенять. У Толстого было много скелетов: по либеральной версии он продался большевикам, был сталинским лакеем, лизоблюдом. Но моя цель заключалась не в том, чтобы его разоблачать, это до меня уже было сделано многими — мне надо было показать, что он к этому не сводится. Интересны его отношения с Федором Сологубом. В 1911 году между ними возник конфликт, в результате чего в третейском суде, одним из членов которого был Блок, а председателем Вячеслав Иванов, признали, что Алексей Толстой был неправ: его вынудили извиниться и в конечном итоге уехать из Петербурга. А в середине 20-х, когда он приезжает в Ленинград, то по иронии судьбы селится в том же доме, где жил Федор Сологуб. Так эти два человека снова оказываются вместе, только пирамида перевернулась: теперь Толстой — признанный писатель, а Сологуб — недобитый царский декадент.

— Тема судьбы проходит красной нитью через ваши произведения, да и ваше увлечение жизнетворчеством великих не случайно. Вы верите в предначертанность жизни?

— Думаю, что судьба связана с Божьим промыслом, но как они соотносятся, у меня ответа нет. В таких вещах не надо особенно мудрствовать. В прозе они погружены в текст и вряд ли сознательно акцентируются, а вот когда я пишу биографии для серии «ЖЗЛ», то, конечно, обращаюсь к понятию судьбы. У моих героев — Михаила Булгакова, Алексея Толстого, Пришвина, Грина — было свое отношение к судьбе, вот я и пытаюсь это понять. Есть, условно говоря, писательский бог, который посылает каждому поднышающему перо ту судьбу, в которой он мог бы максимально раскрыть свой талант.

— Не могу не спросить про современный жанр «неореализма», который до сих пор рождает много споров. Его связывают то с модернизмом, то с постмодернизмом. А как вы определяете жанр своих художественных

произведений?

— Если честно, меня эти определения не слишком волнуют, и в чем разница я не знаю. Имена писателей важнее, чем направление, к которому их относят. Что касается идей, то мне близки почвеннические, однако без коммунистического окраса. По этой или другой причине, но в патриотические журналы мою прозу не брали, и я стал печататься в либеральных, где ко мне отнеслись уважительно и никто не цензурировал. Так я оказался своим среди чужих, чужим среди своих.

— Вы выросли в семье филологов, при этом говорите, что «корни у вас крестьянские», от дедушки вам достались? Судя по вашей прозе, деревня запала вам в сердце и повлияла на ваше творчество.

— По одной линии корни у меня крестьянские, по другой — купеческие, есть предки из рода Мясоедовых, знатная дворянская фамилия: прапрадед был сенатором, о нем писали в энциклопедии Брокгауза и Эфрона. В моей жизни был период, когда я подолгу жил на севере Вологодской области. Это был юношеский порыв: желание понять, что такое русская деревня. Очень любил и люблю деревенскую прозу — Распутину, Белова, Астафьева, Шукшина. Но мне мало было книжек: я был как Фома неверующий, которому надо было вложить перста в русскую деревню и понять, какая она. В студенческие годы я ездил в экспедиции на Карпаты, организованные академиком Никитой Ильичем Толстым, который стал прообразом героя моей повести «Здравствуй, князь!». Потом купил дом на Севере. Но сказать, что я там сделался своим человеком, не могу. Однако деревне и деревенскому опыту благодарен и написал об этом в повестях «Дом в деревне» и «Падчевары».

— Сейчас очень модны разговоры о конце света: пишутся книги, снимаются фильмы. Сразу вспоминаются ваши романы «Лох» и «Затонувший ковчег»: как вы воспринимаете тему апокалипсиса и почему она снова актуальна?

— Нынешние апокалиптические настроения, на мой взгляд, не слишком серьезные. Это скорее на уровне китча-пиара, того, что щекочет нервы. Алармистские ощущения в обществе в 90-е годы были сильнее, чем сейчас. Когда окончательно рухнула старая система ценностей, возникло ощущение, что

все идет к концу. Рассказывали анекдоты о возможности конца света в отдельно взятой стране. Тогда у меня и появилось желание написать о человеке, который очень сильно увлекся идеей апокалипсиса и был взят ею в заложники: так был написан мой первый роман «Лох».

— Вы были знакомы с Солженицыным. Его произведения «Красное колесо», «Матренин двор», «Бодался теленок с дубом» очень повлияли на ваше мировосприятие. Когда вышла книга Людмилы Сараскиной, не раздалось в душе: эх, не успел?!

— Нет, этого не было. Написать так, как написала Людмила Сараскина, я бы не смог. У нее особый талант, она недаром занимается Достоевским, и это ей очень в работе помогло. Она умница, труженица. Она хорошо знала Александра Исаевича, много с ним разговаривала и эти беседы записывала. Мое знакомство с Солженицыным было куда более кратким, хотя и очень для меня дорогим. И есть еще одна причина, по которой я за эту работу не взялся бы: я для себя решил, что писать могу лишь о тех писателях, после чьей смерти прошло как минимум полвека.

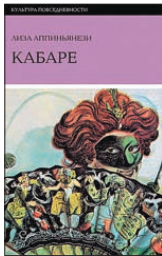
— Сейчас все заняты поиском образа нового положительного героя: в кино делается ставка на героя, для которого материальные ценности — не главное, он честно делает свое дело, глубоко толерантен. На ваш взгляд, какие герои нам нужны?

— Все-таки надо идти от жизни, а не от социального заказа. Хорошего героя надо заслужить, «вырастить» в жизни, а потом уж его описывать. Литература, при всей моей к ней любви, неизбежно вторична по отношению к жизни, и не очень я верю, что можно некоего идеального молодца создать, а юное поколение будет брать с него пример. Но еще меньше из этого следует, что преподавание литературы в школе надо убивать, как это происходит в последние годы.

— Предназначение нынешней литературы — сохранять время, недаром вас уже называют «историком литературы». А что же с будущим? Вам оно менее интересно?

— Если вы имеете в виду фантастику, то я ее в молодости любил, сейчас отношусь спокойнее, но с благодарностью вспоминаю Саймака, Брэдли, Стругацких. Однако уже давно прошлое мне представляется более интересным, живым, достоверным.

4 Только слышишь слово «кабаре» — и сразу на ум приходит что-то злчное, сомнительное, со стриптизом и заоблачными ценами на коктейль. Но так ли все на самом деле? Сейчас, может, и да, а вот раньше, в начале XX века, артистические кабаре были ночными двойниками модернизма.

Аппиньянези Л.
Кабаре / Пер. с англ.
Н. Калошиной,
Е. Канищевой.

М.: Новое литературное обозрение,
2010. — 288 с.: ил. — (Культура
повседневности).

5 Леклезио получил Нобелевскую премию как автор «поэтических приключений и чувственного экстаза». Теперь его романы переводятся на русский один за другим. Этот рассказывает о том, как однажды встретились две девочки, еврейка и арабка, и обменялись именем: обеих звали одинаково — звезда.

Леклезио Ж.-М. Г.
Блуждающая звезда: Роман /
Пер. с фр.
Н. Хотинской, Е. Клоковой.
М.: Текст, 2010. — 317 с.

6 В новом романе Одри Ниффенеггер «Соразмерный образ мой» удивительных поворотов сюжета не меньше, чем в ее бестселлере «Жена путешественника во времени». А еще там есть любовь, английский колорит и доброе привидение. Кстати, на время написания этой книги писательница даже переехала в Лондон и устроилась экскурсоводом на Хайгейтском кладбище.

Ниффенеггер О.
Соразмерный образ мой /
Пер. с англ. Е. Петровой.
М.: Эксмо, 2010. — 560 с.

7 Известный немецкий ученый и политический деятель рассматривает историю проституции — от эпохи Ренессанса, когда она была необходимым средством оградить порядочных женщин от толп паломников, ландскнехтов и нищих, до прагматичного буржуазного общества, с его сводническими объявлениями в газетах и публичными домами, замаскированными под модные мастерские.

Фукс Э.
История проституции
трех эпох / Пер. с нем.
А. Сазонова.
М.: Книжный клуб Книголек; СПб.:
Северо-Запад, 2010. — 232 с.: ил.